

вынимаша“. Раньше шла речь лишь об одной бочке, в которой прятался Исакович. Следовательно, лучшее чтение представляет собою „бъчкы“ (род. п., ед. ч.) и „гвоздь“ (вин. п., ед. ч.), как читаем в рукописях Еллинского летописца (*Б, Ч, Кур*).

2. Далее, перед рассказом об отречении от престола Исаака в *С* читаем: „Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемъ и о граблении монастырскихъ, еже даяста фрягомъ злата и сръбро, посуленое имъ“.

В этом чтении сомнительны два места: во-первых, сочетание „о граблении монастырскихъ“. В таком случае следует считать последнее слово субстантивированным прилагательным в роли дополнения в родительном падеже множественного числа к отглагольному существительному. Подобную синтаксическую конструкцию нельзя считать типичной для древнерусского языка XIII века.

В *К* вместо этого читаем: „о граблении монастырском“, т. е. употребляется согласованное определение, выраженное относительным прилагательным, соответствующим родительному падежу объекта; во всех других списках: „ограбление монастырское“. Вероятно, наиболее правильным следует признать чтение, имеющееся в Еллинском летописце (*Ч, Кур*), где мы встречаем: „о граблении монастырских“, т. е. употреблено такое же согласованное определение во множественном числе. В обоих случаях употребление определения, выражаемого относительным прилагательным, в соответствии с родительным падежом объекта при отглагольных существительных — явление очень обычное в древнерусских памятниках XI—XIII веков, например, в нашем же тексте ниже встречается форма: „про зажжение градное“ (пожар города).

Второе замечание относительно приведенного выше контекста касается формы родительного падежа единственного числа (или винительного падежа множественного числа) „злата“. Это, несомненно, следует считать ошибкой, так как во всех списках, кроме *С*, это слово стоит в винительном падеже единственного числа — „злато“, как и следующее за ним слово „сръбро“.

3. Далее, в рассказе об избрании императором Николая Канава список *С* дает чтение: „и ту быша с нимъ въ святѣи Софии 6 дний и 6 ночий“. То же чтение приводится и во всех списках Еллинского летописца (*Б, Ч, Кур*). Однако один список *К* дает другое чтение, которое значительно более соответствует смыслу контекста и потому может быть принято за первоначальное: „и ту бысть снемъ“, т. е. „происходило собрание“. Ошибка переписчика *С* в этом случае состояла, вероятно, в том, что он принял незнакомое ему существительное „снемъ“ за диалектную разновидность формы местоимения „и“ в творительном падеже единственного числа мужского рода и исправил эту форму на общепринятую литературную.

4. Требование „фрягов“, предъявляемое ими к императору Мурдуфлу, в *С* передано следующим образом: „Дай намъ Исаковиця, ото [буква ѿ] поидемъ къ нѣмечскому цесарю, отнеле же есме послани“. При чтении *С* роль подчинительного союза цели выполняется предлогом „от“. Список *К* взамен этого содержит слово „даждь“. В *А* читаем: „и тако“; во всех списках Еллинского летописца имеем: „и абие“; в *М* — союз „да“. Очевидно, в первописке имелся старый русский подчинительный союз цели „ать“, „оть“, ¹ который в качестве устарелого и специфически рус-

¹ Ср. в „Поучении“ Ильи Новгородского: „взборанивати женам, отъ не ходять к вълхам“ (История культуры древней Руси, т. II, стр. 116).